

УДК 81-139
DOI 10.52452/19931778_2022_5_156

ТРЕБОВАНИЯ К НАУЧНЫМ МЕТОДАМ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

© 2022 г.

Е.В. Новожилова,¹ Ю.В. Донскова²

¹Российский государственный гуманитарный университет, Москва

²Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, Москва

elena.v.novozhilova@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.02.2022

Статья формирует методологическую рамку судебной лингвистической экспертизы – области, имеющей двойную научную основу (филологическую и более строгую юридическую). На общетеоретическом уровне анализируются ограничения, налагаемые на экспертизу правовыми принципами, правилами и нормами, и переформулируются в филологические. Обосновывается необходимость составления паспорта лингвоэкспертного метода, описываются структура и содержание паспорта. Формализация методов – необходимый этап для создания общей методологии лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: судебное речеведение, судебная лингвистическая экспертиза, юрислингвистика, научный метод, экспертный метод, методология.

Введение

Современный ландшафт судебной лингвистической экспертизы (или юрислингвистики) как научной отрасли формируется в России двумя основными направлениями научной мысли. Первое – «чистая лингвистика» – представлено учеными, чья основная специальность языковедение, литературоведение: это сотрудники Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, научная школа, выпускающая журнал «Юрислингвистика» (ISSN 2587-9332), специалисты, объединившиеся в «Гильдию лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам» (ГЛЭДИС), и многие другие. Лингвистическая экспертиза, в представлении этого направления, есть область прикладной лингвистики, методологически полностью наследующая языковедению. Второе направление представлено научной школой проф. Е.Р. Россинской и объединяет специалистов из Института судебных экспертиз МГЮА, Российского государственного университета правосудия и ряда государственных судебно-экспертных учреждений. В представлении этого направления лингвистическая экспертиза есть прежде всего род судебных экспертиз, и на нее, как и на другие роды и виды экспертных исследований, полностью распространяются общие теория и методология судебной экспертизы, которые восходят к криминалистическим наукам.

Важнейшее различие между двумя направлениями в том, что экспертно-криминалистическое принимает ограничения, налагаемые общими теорией и методологией судебной экспертизы, а для «чистой лингвистики» таких ограничений

не существует – они понимаются только как внешние процедурные требования и формальности, сродни необходимости делать абзацные отступы в тексте. Тем не менее обилие этих требований и особое внимание к ним судов, юристов и общественности озадачивают «чистых лингвистов».

До сих пор специалистами экспертно-криминалистического направления не была проведена работа по уточнению общеэкспертных требований и ограничений применительно к судебной лингвистике. Наша статья должна восполнить этот пробел и обобщить перечень требований к лингвоэкспертным методам.

Общее понятие о судебно-экспертном методе

Понятие метода вполне разработано в рамках общей теории судебной экспертизы [1–3 и др.]. Методы суть «системы действий и операций по решению практических экспертных задач» [4, с. 98], они ставятся в прямую зависимость от содержания этих задач и от особенностей объектов исследования.

Судебно-экспертной и научной классификации методов присущ параллелизм: и там и здесь присутствуют всеобщий диалектический метод, общенаучные методы (чувственно-рациональные, математические, кибернетические) и специальные методы частных наук. Однако последняя группа методов, сохраняя научную основу, видоизменяется. Частный судебно-экспертный метод может возникнуть в материнской либо смежной научной области и впоследствии перейти (без адаптации или с адаптацией) в сферу

экспертизы; может быть создан на основе определенных научных постулатов для применения в экспертной работе; наконец, может сформироваться непосредственно в экспертной практике и затем пройти научную апробацию.

В структуре экспертного метода выделяют три части: обосновывающую, операционную и техническую. «Обосновывающая часть содержит представление о результате применения метода и обосновывающем получении этого результата знании. В операционную часть входят действия, операции, приемы осуществления метода. Техническая часть – это те материальные средства познания, использование которых составляет неотъемлемую часть метода» [1, с. 252]. Очевидно, что в лингвистическом исследовании техническая часть минимальна и при валидации методов нужно уделить главное внимание обосновывающей и операционной.

Общие требования к экспертным методам и работе

В обширной научной, учебной и методической литературе по основным темам судебной экспертизы изложены требования к экспертным методам и методикам, а также к самой процедуре исследования и ее результатам. Несмотря на кажущиеся различия в происхождении эти правила взаимосвязаны и служат одним и тем же общим условиям судебно-экспертной работы. Требования могут быть непосредственно сформулированы в экспертной науке в виде принципов, отражены в законодательстве или же обусловлены особенностями решаемых экспертных задач.

Требования к выводам эксперта описаны в конце XX в. [5, с. 29–30]:

– принцип квалифицированности: «эксперт может формулировать только такие выводы, для построения которых необходима достаточно высокая квалификация, соответствующие специальные познания. Вопросы, не требующие таких познаний, могущие быть решены на базе простого житейского опыта, не должны ставиться перед экспертом и решаться им, а если все же решены, то выводы по ним не имеют доказательственного значения»;

– принцип определенности: «недопустимы неопределенные, двусмысленные выводы, позволяющие различное истолкование (например, выводы об “одинаковости” или “аналогичности” объектов, без указания на конкретные совпадающие признаки, выводы об “однородности”, в которых не указан конкретный класс, к которому отнесены объекты)»;

– принцип доступности: «в процессе доказывания могут быть использованы только такие

выводы эксперта, которые не требуют для своей интерпретации специальных познаний, являются доступными для следователей, судей и других лиц. <...> Эксперт должен довести цепь своих умозаключений до такого этапа, когда его вывод станет общедоступным и может быть понят любым лицом, не обладающим специальными познаниями».

Принципы допустимости использования методов и средств в судебно-экспертном исследовании приведем в изложении теоретика этой науки Е.Р. Россинской [2, с. 48–50; 3, с. 60–61]:

- законность и этичность метода;
- научность (или научная состоятельность) методов, средств и специальных знаний: научная обоснованность методов, достоверность получаемых с их помощью результатов;
- точность результатов;
- надежность результатов, возможность их проверки, повторимость экспертизы;
- эффективность метода для решения тех или иных экспертных задач (сроки, продуктивность, рентабельность);
- безопасность методов и средств.

В Федеральном законе от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [6] в статьях 4, 5, 8, 16, 25 и 31 содержится расширенный список требований:

– законность (в которую входит, по смыслу законодательства, и конфиденциальность – эксперт не должен «разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с производством судебной экспертизы») и не имеет права «сообщать кому-либо о результатах судебной экспертизы, за исключением органа или лица, ее назначивших»);

– независимость эксперта;

– объективность исследования;

– полнота («в полном объеме») и всесторонность исследования (это предполагает кроме прочего и отражение в тексте заключения объектов исследования, методов, содержания работы, результатов с их оценкой, выводов с обоснованием; и контроль достаточности объектов и материала – эксперт обязан заявить мотивированный письменный отказ от исследования, если они недостаточны и эксперту отказано в их дополнении);

– строго научная и практическая основа исследования;

– использование современных достижений науки и техники (и в то же время эксперт обязан заявить мотивированный письменный отказ от исследования, если «современный уровень развития науки не позволяет ответить на поставленные вопросы»);

– работа в пределах соответствующей экспертной специальности (это важно уже даже на этапе подготовки: в частности, если вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта, он должен заявить мотивированный письменный отказ от исследования);

– обоснованность заключения эксперта;

– проверяемость («Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных»);

– соответствие заключения поставленным вопросам;

– запрет на самостоятельный сбор материала для исследования;

– запрет на обман и незаконные способы получения сведений от подэкспертного лица;

– контроль пригодности и сохранности исследуемых объектов (эксперт обязан заявить мотивированный письменный отказ от исследования, если «объекты исследований и материалы дела непригодны для проведения исследований и дачи заключения и эксперту отказано в их дополнении», он должен «обеспечить сохранность представленных объектов исследований и материалов дела» и не имеет права «уничтожать объекты исследований либо существенно изменять их свойства без разрешения органа или лица, назначивших судебную экспертизу»).

В законе не указано главное требование – непосредственности судебно-экспертного исследования. Но многие указанные корреспондируют ему или логически связаны с ним.

Под *требованиями, обусловленными особенностями экспертных задач*, мы подразумеваем обычно предъявляемые в ходе криминалистической и экспертной диагностики (поскольку большинство задач лингвистической экспертизы – диагностические) требования пригодности диагностируемых объектов («конкретные объекты, характеризующиеся индивидуальным комплексом связей с событием преступления» [7, с. 57]), диагностирующих объектов, а также валидности диагностических признаков.

И, наконец, *требования к методикам экспертизы* (поскольку в настоящее время в судебной лингвистической экспертизе создано и используется слишком мало методик – фактически в основном используются методы в различных комбинациях, – представляется разумным распространить требования к методикам и на них):

– наличие граничных условий применения, «при которых использование методики допустимо, а полученные результаты отвечают критериям достоверности, надежности, точности и обоснованности» [3, с. 81];

– сочетаемость методов друг с другом, поскольку в составе методики они «применяются в определенной последовательности, зависящей как от поставленных задач и этапов их решения, так и от условий, в которых проводится исследование» [3, с. 82].

Таков актуальный перечень прямых и косвенных требований к методам, процедуре и результатам судебной экспертизы. Из этого перечня, вероятно, нельзя приложить к лингвистической экспертизе только этичность (в том числе запрет на обман подэкспертных, поскольку подэкспертные в лингвистическом исследовании не участвуют), безопасность и рентабельность; все остальные требования вполне применимы. По смыслу их можно разделить – приблизительно, поскольку границы здесь не всегда четки, – на три группы: требования законности, требования объективности и операционные требования (которые опосредованным образом также служат объективности).

Специфика лингвистической экспертизы

Особенности лингвистической экспертизы по сравнению с другими родами и видами экспертных исследований обусловлены в первую очередь особенностями ее объектов – речевых произведений. Объекты состоят из знаков естественного языка, а естественным языкам свойственна структурная и функциональная асимметрия, проявляющаяся как вариативность: полисемия, омонимия, синонимия и т.д. Этому способствуют активные процессы в лексико-семантическом поле: обновление словарного состава языка, перераспределение активности прямых и переносных значений слов, детерминологизация, гиперонимизация, расширение метафорических полей, развитие семантических оппозиций и др. [8].

Поликодовые объекты (или креолизованные, также встречаются наименования «изовербальный текст», «негомогенный текст») состоят из комбинации знаков естественного языка и других семиотических систем (изображение, видео, музыка, танец). Сложность исследования таких объектов заключается собственно в их негомогенности, разнородности знаков (см. т.н. теорию двойного кодирования А. Пайвио [9]). При вербализации невербального компонента нужно учитывать и его многозначность, и межкультурные различия в восприятии.

Кроме того, сами приемы и инструменты юрислингвистики, пришедшие из академического языкознания и литературоведения, в большинстве своем нестрогие, не вполне формализованные. В материнских науках не содер-

жаты готовые «положительные ответы на вопросы о соответствии средств» принципам научной обоснованности и достоверности [2, с. 49; 3, с. 61]. Нестрогость проявляется и при рассмотрении языковых единиц – в лингвистической семантике, прагматике. Так, проблеме представляет уже метаязык описания семантики: «одни и те же значения в разных словарях могут быть описаны “разными словами”» [10, с. 59–60], отмечаются рассинхронизация словника и актуального состояния лексики, отсутствие единого подхода к оценочным компонентам лексики и, как следствие, вариативность стилистических помет в разных словарях. Но, пожалуй, в большей степени это касается методов анализа объекта как единого целого, т.е. исходно литературоведческих (например, жанровый анализ, где определена категория жанра, но не предполагается ни закрытого перечня жанров, ни перечня видов объектов, к которым эта категория применима). Однако если лингвистическая экспертиза – это экспертиза, т.е. имеющая строгую научную основу процедура, а не просто выражение личного мнения ученого об объекте, то неопределенность в ней должна быть преодолена на методологическом уровне: «модификацией, адаптацией или ограничением» [1, с. 235].

Требования к методам лингвистической экспертизы

Зная общую рамку требований к судебной экспертизе, мы можем «перевести» эти правила на язык филологических наук.

Паспорт метода. Очевидно, что наиболее абстрактные требования – научность, достоверность и точность результатов – именно из-за своей абстрактности трудновыполнимы в ходе каждого конкретного судебно-лингвистического исследования. Значит, они должны быть учтены в самом начале – при планировании экспертной деятельности, в методологической и методической работе.

Для приведения метода к нужным характеристикам целесообразно создать документ, который можно назвать паспортом метода. Этот документ, описывающий структуру метода, удобно использовать в рутинной экспертной работе, при необходимости на него можно ссылаться как на методический источник.

Первая часть паспорта – научное обоснование. Здесь должно быть указано, какие именно специальные знания требуются для применения метода (отрасли научного знания, филологические дисциплины). Научное обоснование не должно оставлять места для эвристик, выводя-

щих эксперта-лингвиста в сферы иных экспертных компетенций.

При этом научное обоснование не может включать необщепринятые постулаты – такие, которые оспорены или оспариваются в соответствующей академической отрасли, признаны в ней недостоверными, ненадежными; недоказанные или недоказуемые; такие, наряду с которыми в науке существуют противоположные по смыслу.

Должно быть раскрыто значение филологических и смежных понятий, категорий, которые в рамках метода являются диагностирующими объектами (образцами, моделями для сравнения): они должны быть непротиворечивыми и четкими. (Например, при диагностике типа коммуникации каждая из четырех моделей – межличностная, межгрупповая, публичная и массовая коммуникация – не должна иметь диагностических признаков, которые наблюдаются и у других моделей, и весь диапазон речевых объектов, соответствующих граничным условиям, должен распределяться по четырем типам без остатка.) Одновременно вводится запрет на создание новых категорий и терминов в ходе конкретных экспертиз – на эвристическую «фабрику» [11, с. 48].

В обосновании указываются граничные условия применения метода – в том числе по объектам (применимость к определенному кругу объектов, условия пригодности объекта, достаточность объектов и материала), путем описания конкретных признаков объектов. Именно определенный речевой объект, а не «интуиция исследователя» или «данные языкового сознания определенного класса испытуемых» [12, с. 235], является источником информации при применении метода как инструмента. Такое уточнение – страховка на уровне метода от подмены объекта.

Должен быть указан круг экспертных задач (по общепринятой в теории судебной экспертизы классификации), которые могут быть решены с помощью этого метода; указан статус метода применительно к решению задачи – основной или вспомогательный.

Вторая часть паспорта – пошаговое описание (операционная часть). Последовательность шагов (этапов) должна вести эксперта к однозначному, недвусмысленному результату, который затем возможно будет превратить в категорическую, вероятностную либо альтернативную («или-или») формулировку вывода с учетом формально-логического закона достаточного основания.

Последовательность действий эксперта должна включать такое количество звеньев,

этапов, чтобы каждое последующее звено логически продолжало предыдущее и у эксперта не было возможности заменить какое-либо из них на невыводное знание (например, на абзац текста, скопированный из источника неметодического характера). Данная мера обеспечивает как достоверность, логическую строгость рассуждения, так и независимость эксперта от чужих мнений, выраженных в печатной форме.

Для того чтобы исключить двусмысленные или субъективные результаты применения метода, операционная часть должна содержать дополнительные процедуры по устранению противоречий. (Так, например, если высказывание «душно» в ходе лингвопрагматического анализа было определено как речевой акт утверждения, следует проверить и вероятность того, что оно окажется побуждением или экспрессивом; побуждение «даешь» – проверить на принадлежность к речевым актам вопроса; и т.д.) Также необходима проверка человеком результатов машинного анализа.

Научное обоснование и операционная часть должны стать основой для проверки заключения эксперта.

Требования к содержанию метода. При применении метода в ходе производства экспертизы должны использоваться только специальные знания эксперта-лингвиста и никакие иные (в том числе юридические). Если применение иных специальных знаний необходимо, это должно быть отражено в тексте научного обоснования метода и включено в пошаговое описание в виде одного из элементов.

Лингвоэкспертный метод не должен допускать анализ объекта в искаженном или измененном виде (перефразировка, цитация отдельных слов, вырванных из контекста, анализ по произвольно выбранным «ключевым лексемам» или «доминантам», конвертация текста со сбросом форматирования, отделение аудиодорожки от видеофайла и т.д.), не должен допускать анализ производного речевого объекта в качестве первичного (перевод, пересказ, протоколируемая речь, компиляция, моделирование и др.). Данное ограничение касается в первую очередь конструктивных методов лингвистики.

Метод должен оперировать такими лингвистическими и экстралингвистическими признаками объектов, которые (признаки) валидны в криминалистическом смысле: конкретны, выражены, непротиворечивы, находятся в причинно-следственной связи с диагностируемой ситуацией и т.д.

Группы методов. По ряду причин – в первую очередь из-за существования нескольких уровней языка – нельзя обеспечить полноту

и всесторонность лингвоэкспертного исследования с помощью монометода: всегда требуется либо стандартизированная их комбинация – методика, – либо комбинация новая. Поэтому отдельные методы должны быть совместимыми, сочетаемыми между собой в любых вариантах (без потери в научности, точности и надежности результатов), невзаимоисключающими.

Процедурные и иные требования. Лингвоэкспертный метод не должен быть разрушающим (не должен приводить к разрушению или изменению речевых объектов). Здесь мы исходим из того, что нужды в таком воздействии нет – все современные методы юрислингвистики неразрушающие, – а разрешение или даже требование назначающего экспертизу лица уничтожить объект является очевидным злоупотреблением правами, и потому нелишне запретить уничтожение объектов уже на уровне метода. Это обеспечит возможность проверки экспертных результатов.

Метод должен предполагать единоличную, самостоятельную работу (кроме специально предназначенных для комиссионных или комплексных экспертиз либо для обработки больших объемов речевого материала). Единоличная работа отвечает принципу независимости эксперта, в то время как групповая предполагает взаимодействие и взаимовлияние соратников и даже при процедурных ограничениях ставит под вопрос независимость суждений каждого из них. А при назначении некомиссионной моноэкспертизы и при поручении исследования лицу, не работающему в экспертном учреждении, только единоличная работа отвечает принципу законности: это единственный законный способ производства экспертизы.

Лингвоэкспертный метод не должен включать работу с респондентами. Здесь необходимо подробное пояснение. Такая работа не равна обращению к справочникам, словарям или корпусам русского языка. Опрос, анкетирование, эксперимент и другие действия с респондентами представляют собой сбор эмпирического материала, его обобщение и получение нового, не существовавшего прежде теоретического знания. А значит, сама потребность, необходимость в привлечении респондентов сигнализирует о том, что наличных научных знаний недостаточно для формулирования адекватных выводов по предоставленному материалу и вопросам (недостаточно вообще или только у данного эксперта), то есть что строгость научной основы не будет соблюдена: либо материал невозможно исследовать при современном уровне развития науки – либо эксперт некомпетентен и подлежит отводу.

Практический аспект проблемы респондентов состоит, во-первых, в том, что в экспертизе возникает ряд новых объектов и растет вероятность случайной подмены первоначального. Во-вторых – в том, что для получения статистически значимых результатов опроса или анкетирования нужно задействовать очень большое количество людей – что затянет сроки исследования и сделает его неэффективным, а без гигантского массива данных невозможно гарантировать ни достоверность, ни повторимость, воспроизводимость новых научных результатов. В аспекте законности – любые действия с респондентами являются по сути самостоятельным сбором материала (хотя и не того, который исследуется, а вспомогательного). Кроме того, эксперту приходится решать дилемму: или сообщать респондентам сведения об экспертизе и тем самым нарушить требование конфиденциальности – или не сообщать, а значит, ввести их в заблуждение относительно своих целей, что может повлиять на объективность всей процедуры. И, наконец, при контакте со множеством людей, высказывающих свои субъективные мнения в связи с предметом экспертизы, эксперту трудно сохранить объективность и независимость собственных суждений и выводов. Два последних обстоятельства – это общая для гуманитарных дисциплин проблема артефакта [13, с. 363].

Заключительные процедурные требования: лингвоэкспертный метод не должен допускать самостоятельный сбор материала (а перечень необходимых образцов можно указать в паспорте); должен быть наиболее эффективен для решения поставленной перед экспертом задачи; применение метода и его результат сами по себе не должны приводить к нарушению закона (в частности, к передаче сведений о проводимой экспертизе кому-либо).

Заключение

Известно, что «методы других наук в процессе применения их для изучения объектов судебной экспертизы претерпевают порой серьезные изменения» [1, с. 285]. В самом начале, когда новое экспертное направление решает простейшие прямые задачи, «часто возникает иллюзия, что никакие специфические методики не нужны и вполне достаточно использовать методы и методики, заимствованные из материнской науки практически без модификации. Однако последующее развитие экспертизы нового рода неизбежно приводит к необходимости решения обратных диагностических задач, поиску идентификационных признаков, что не-

возможно без разработки специфических экспертных методик» [3, с. 82]. Необходимой становится экстраполяция общеэкспертных правил, из которых только принцип независимости эксперта означает свободу и самостоятельность в выборе методов и в их применении: все остальные требования являются ограничительными и фактически ставят пределы этой свободе.

В методологическом отношении лингвистическая экспертиза противопоставлена материнской науке – языкознанию, поскольку методы экспертизы всегда вторичны по отношению к объекту и им обусловлены, тогда как в языкознании возможна и обратная ситуация: объект может конструироваться методом [14, с. 298].

В статье изложен исчерпывающий перечень общих требований к методам лингвистической экспертизы – начиная с основополагающих: обоснованность, достоверность, точность и надежность результатов. На наш взгляд, все это может быть обеспечено на методологическом уровне разработкой паспорта для каждого метода. В паспорте должны подробно описываться: научное обоснование; действия филолога при применении метода; действия по устранению противоречий в материале; способы последующей проверки экспертных выводов.

Современное состояние развития филологических наук позволяет осуществить формализацию лингвоэкспертных методов – строгую в достаточной степени, – позволяет их каталогизировать. Вероятно, формализация уместна не для всех, а только для основных методов. И чем она успешнее – тем проще будет дальнейшая экспертная практика и продуктивнее разработка экспертных методик.

Список литературы

1. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории: Монография. М.: Норма, Инфра-М, 2015. 480 с.
2. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: Монография. 3-е изд., доп. М.: Норма, Инфра-М, 2015. 736 с.
3. Судебная экспертология: история и современность (научная школа, экспертная практика, компетентный подход) / Под ред. Е.Р. Россинской, Е.И. Галяшиной. М.: Проспект, 2017. 272 с.
4. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология). М.: Норма, Инфра-М, 2016. 368 с.
5. Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам). М.: Юрист, 1995. 64 с.
6. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/12123142/> (дата обращения: 11.12.2021).

7. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика. М.: Инфра-М, Контракт, 2010. 780 с.
8. Ермакова О.П. Семантические процессы // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI вв. / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 33–100.
9. Paivio A. Dual coding theory: Retrospect and current status // Canadian Journal of Psychology (Revue Canadienne de Psychologie). September 1991. Vol. 45. P. 255–287.
10. Стернин И.А. Основы лингвокриминалистики. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. 304 с.
11. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Язык и метод в современной судебной экспертизе: Монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 216 с.
12. Бринеv К.И. Лингвистическая экспертиза: типы экспертных задач и методические презумпции // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. Кемерово, Барнаул, 2008. С. 232–249.
13. Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки. М.: Экзамен, 2005. 528 с.
14. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 686 с.

REQUIREMENTS FOR SCIENTIFIC METHODS OF FORENSIC LINGUISTICS

E.V. Novozhilova, Y.V. Donskova

The article forms the methodological framework of forensic linguistics – area that has a dual scientific basis (philological and stricter legal). At the general theoretical level, we analyze the restrictions stemming from legal principles and rules, and reformulate them into philological ones. The necessity of drawing up a passport of the forensic linguistics method is substantiated, the structure and content of the passport are described. Formalization of methods is a necessary stage for the creation of general forensic linguistics methodology.

Keywords: forensic speech examination, forensic linguistics, scientific method, expert method, methodology.

References

1. Averyanova T.V. Forensic examination. Course of general theory: Monograph. M.: Norm, Infra-M, 2015. 480 p.
2. Rossinskaya E.R. Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings: Monograph. 3rd ed., add. M.: Norma, Infra-M, 2015. 736 p.
3. Forensic expert science: history and modernity (scientific school, expert practice, competence approach) / Edited by E.R. Rossinskaya, E.I. Galyashina. M.: Prospect, 2017. 272 p.
4. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M. Theory of forensic examination (Forensic expertise). M.: Norm, Infra-M, 2016. 368 p.
5. Orlov Yu.K. Expert opinion and its assessment (in criminal cases). Moscow: Lawyer, 1995. 64 p.
6. Federal Law № 73-FL of May 31, 2001 «On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation» (with amendments and additions). URL: <https://base.garant.ru/12123142/> (Date of access: 11.12.2021).
7. Ishchenko E.P., Toporkov A.A. Criminalistics. M.: Infra-M, Contract, 2010. 780 p.
8. Ermakova O.P. Semantic processes // Contemporary Russian language. Active processes at the turn of the XX–XXI centuries / Ed. L.P. Krysin. M.: Languages of Slavic cultures, 2008. P. 33–100.
9. Paivio A. Dual coding theory: Retrospect and current status // Canadian Journal of Psychology (Revue Canadienne de Psychologie). September 1991. Vol. 45. P. 255–287.
10. Sternin I.A. Fundamentals of linguocriminalism. Voronezh: VSU Publishing House, 2018. 304 p.
11. Radbil T.B., Yumatov V.A. Language and method in modern forensic examination: Monograph. M.: Yurlitinform, 2015. 216 p.
12. Brinev K.I. Linguistic expertise: types of expert tasks and methodological presumptions // Jurislinguistics-9: Truth in language and law: Interuniversity collection of scientific papers / Edited by N.D. Golev. Kemerovo, Barnaul, 2008. P. 232–249.
13. Ushakov E.V. Introduction to philosophy and methodology of science. M.: Exam, 2005. 528 p.
14. Linguistic encyclopedic dictionary / Editor-in-chief V.N. Yartseva. M.: Soviet Encyclopedia, 1990. 686 p.